

Литрес ≡ Классика

Федор Сологуб

КОРОЛЕВА ОРТРУДА

Федор Сологуб
Королева Ортруда

«ЛитРес»

1908

Сологуб Ф. К.

Королева Ортруда / Ф. К. Сологуб — «ЛитРес», 1908

Вторая часть трилогии «Творимая легенда». Молодая королева Ортруда, правительница островного королевства, мечтает о справедливых преобразованиях и о жизни, свободной от условностей. Её идеалы сталкиваются с интригами двора и консервативным обществом, а появление в её жизни загадочного Триродова приносит с собой как надежду на преображение мира, так и новые опасности. Роман сочетает черты политической утопии, мистической фантазии и любовной драмы, продолжая исследование границы между реальностью и творимой легендой.

© Сологуб Ф. К., 1908

© ЛитРес, 1908

Содержание

Королева Ортруда	6
Глава тридцать четвертая	6
Глава тридцать пятая	11
Глава тридцать шестая	15
Глава тридцать седьмая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Федор Сологуб

Королева Ортруда

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Королева Ортруда

Глава тридцать четвертая

Обычность, — она злая и назойливая, и ползет, и силится оклеветать сладкие вымыслы, и брызнуть исподтишка гнусною грязью шумных улиц на прекрасное, кроткое, задумчивое лицо твое, мечта! Кто же победит в земных веках? Она ли, отравленная всеми гнилыми ядами прошлого обычность, лицемерная, трусливая, тусклая, облеченная в черную мантию обвинителя, мантию изношенную, покрытую пылью старых книг? Или ты, милая, с розами улыбок на благоуханных устах, ты, роняющая один за другим легкие, полупрозрачные, многоцветные свои покровы, чтобы предстать в озарении торжественной, вечной красоты?

Мы только верим, мы только ждем. Вы, рожденные после нас, создайте.

Вот уже не серая, не мглистая страна, не наша милая родина, где обычное становится ужасным, а ужасное обыкновенным, — иная страна, далекий край, и там синее море, голубое

небо, изумрудные травы, черные волосы, знойные глаза. В этой яркой стране сочетается фантазия с обычностью и к воплощениям стремятся утопии.

Уже на этот скрытый путь по серым, пыльным проселкам, – высокий, радостный и потом скорбный путь королевы Ортруды в счастливом, далеком краю, под лазурным небом, на островах среди лазурных волн. Но все еще путь омраченный и все еще страна необрадованная.

Эта страна – Соединенные Острова, где царствовала Ортруда, рожденная, чтобы царствовать. Острова, где она насладилась счастьем, истомилась печалью, на страстные всходила костры и погибла. На переломе двух эпох горела ее жизнь факелом, горящим напрасно, когда уже солнце близко и белый свет под землею, и отвращаются от факела людские утомленные взоры, но еще когда солнца нет, и мглистый передрабассветный холод объемлет долины.

События в Королевстве Соединенных Островов, некогда знаменитом и сильным, ныне же заключенном в скромные пределы двух групп островов на Средиземном море, уже несколько лет тому назад стали привлекать к себе внимание широких кругов общества в Европе.

Ортруда Первая, королева Соединенных Островов, молодая, прекрасная, очаровательная женщина, не была счастлива в семейной жизни. Легкий шелест наглого скандала, притаившийся в багряных складках ее королевской мантии, уже давно радовал международную публику, жестокое чудовище смеха и злословия.

Ортруда имела редкое счастье наследовать престол еще до своего появления на свет и родилась королевою. Ее отец, король Роланд Седьмой, умер за несколько недель до ее рождения. Смерть его была неожиданная, загадочная. Говорили даже, что он был отравлен.

Партия церковников и крупных землевладельцев возлагала большие надежды на его вдову, королеву Клару, женщину очень преданную интересам церкви, очень набожную, владелицу крупной земельной собственности. Изящные пастеры и красноречивые епископы католической церкви были постоянными посетителями королевы Клары. Взгляды ее были строго консервативны. Она всегда стояла на страже добрых нравов и сама усердно предавалась духовным упражнениям, покорно подчиняясь дисциплине отцов иезуитов. Полумонашеская община благочестивых дам и девиц лучшего общества, «Дом Любви Христовой», в уединенном квартале столицы, основанные отчасти на ее средства, находилась под особенным ее покровительством.

Сделавшись после смерти Роланда Седьмого правительницею королевства, королева Клара употребляла постоянно все свое влияние в пользу клерикалов и аграриев. Реакционные министерства были ей радостны; она проливала горькие слезы, когда состав парламента изменялся и вынуждал ее вручать власть буржуазно-радикальному министерству.

Королева-мать тщательно воспитала Ортруду при помощи знаменитых в том королевстве ученых и педагогов. Да и не одна вдовствующая королева заботилась о воспитании Ортруды. Каждое министерство, вступая во власть, принимало на себя вместе с другими национальными делами также и заботу о воспитании Ортруды. Все политические партии, кроме самой непримиримой части социалистов, ревниво следили за тем, как Ортруда воспитывалась. Воспитанию маленькой королевы придавалось особое значение, потому что вражда партий и классов в это время достигла значительного напряжения. Высшие классы жадно цеплялись за то, что осталось от их ветхих привилегий. Буржуазия стала очень сильна, но уже и рабочий класс приобрел влияние на законодательство и политику и добился довольно сносных законов о труде и о синдикатах.

Ничто не было упущено, чтобы образовать из маленькой резвущки с быстрыми черными глазенками и миленьким смугленьким личиком конституционную государыню, любезную и просвещенную. Труд воспитателей не был тяжел. Они имели дело с весьма благодарным материалом. Ортруда обладала способностями и талантами, редкими даже и в высокой среде, – а ведь где же и не быть высоким талантам, как не там, где живут повелители мира и владыки людей? Притом же в вопросах воспитания в этой стране было нечто единящее аристократию и народ: эллинская, мудрая любовь ко всему прекрасному, любовь к человеческому радостно-

сильному телу; из этой всенародной, простодушной любви рождались стремление к воспитанию простому, суровому, близкому к природе, к дружеству свободных, чистых стихий.

Веселые, обнаженные дети радовали взоры и сердца жителей Соединенных Островов, и сами они, красивые, стройные, смелые, не испытывали в такой степени, как их европейские соседи, стыдливого ужаса перед своим телом. Смуглое тело Ортруды любило знойные лобзания и пламенные ласки высокого в небесах Змия. Ее сильно дышащая грудь радовалась ветру с лазурного моря и глубокой прохладе морских волн. Ее стройные ноги радостно приникали к изумрудам теплых трав и к хрупкому песку взморий.

Ортруда была красива, умна, добра, талантлива. Живо усваивала она знания, которые ей преподавались, и хотела узнавать еще новое. Она любила искусство и сама хорошо рисовала и писала красками.

Буржуа, сидя в кафе и любуясь последним портретом маленькой королевы или улыбаясь напечатанному в его газете новому анекдоту из ее жизни, говорил:

– Ортруда щедро одарена природою.

Клерикал благочестиво говорил:

– Ортруда щедро одарена Богом.

Придворный льстец говорил:

– Любовь народа окружает счастливое, безоблачное детство нашей возлюбленной королевы.

А народ, как и всякий почти народ в мире, любил всяких детей, простых и знатных одинаково. Любил поэтому и Ортруду.

Наконец королеве Ортруде исполнилось шестнадцать лет.

С великим торжеством, привлекательным для толпы, при стечении народа, в кафедральном соборе столицы, в кругу высоких иноземных гостей, придворной знати, военных начальников и народных представителей, шестнадцатилетняя девушка Ортруда была коронована. Гладко бритый, седой, розовый кардинал в треугольной раздвоенной митре помазал ее лоб сладко-благоухающим мирром, потом возложил на ее смоляно-черные кудри королевскую золотую корону, сверкающую переливными огнями бриллиантов, изумрудов, яхонтов и сапфиров, – и на плечи Ортруды упала тяжелая багряница, и в маленьких полудетских руках засверкали скипетр и золотое яблоко царской власти. Ортруда по-детски радостно улыбалась.

Жителям столицы и Соединенных Островов надолго остался памятен этот день, не только воспоминанием о пышном торжестве, но и по зловеще-странному совпадению – в этот самый день, в час торжества жители столицы узнали о первых признаках того явления, которое, все усиливаясь во время правления Ортруды, разрешилось наконец ужаснувшей весь цивилизованный мир катастрофой.

Очаровательная Ортруда в сияющем венце и в тяжелой порфире, конец которой несли за нею шесть раззолоченных камергеров, вышла из собора, осененная балдахином, сопровождаемая блестящим двором. С радостною и благосклонною улыбкою поклонилась она своему народу и потом села в золоченую парадную карету. Восторженные крики толпившегося по пути народа сопровождали Ортруду до дворца. Длинный кортеж великолепных экипажей тянулся за ее каретою. День был ясен. Улыбки Змия переливно играли на золоте и на бриллиантах. Легкий бриз развеивал разноцветные флаги. Благоуханием цветов был сладостно напоен воздух радостной столицы, веселого города Пальмы.

Как очаровательное видение, мелькнувшее, обольстившее и скрывшееся, Ортруда исчезла для толпы в дверях дворца. Но люди не расходились. Ждали, что Ортруда еще покажется в королевском одеянии, выйдет на балкон, вознесет над толпою свою нежную, увенчанную красоту. Стояли, глазели, кричали, пели. В толпе шныряли бронзово-загорелые, смуглые, красивые мальчишки, и веселые их смехи и вскрики резали знойный воздух, как звонкие птичьи голоса.

Вдруг на площади раздался крик мальчишки-газетчика:

– Телеграмма! Вулкан дымится!

Толпа бросилась к разносчикам газет. Листки с тревожной новостью раскупались нарасхват. Узнали: на острове Драгонера над вулканом, который давно считался погасшим, сегодня утром показался легкий дым.

Толпа волновалась. А при дворе говорили:

– Это не опасно.

– Пустяки.

– Да еще и верно ли?

– Газеты так легко преувеличивают.

– Из-за розничной продажи гонятся за сенсационными новостями.

– Министерство знало это еще рано утром, но, конечно, не придавало никакого значения.

Даже не говорили королевам.

– И правильно.

– Но какая бестактность – пустить теперь в продажу эти листки!

– Хоть бы до завтра подождали.

Блестящее течение придворных торжеств не прерывалось. Королева Ортруда три раза выходила на балкон. Ее радостная улыбка и увенчанное блеском короны безоблачное чело очаровали опять толпу и успокоили ее минутную тревогу.

Потом был, как полагалось по церемониалу, торжественный обед у королевы, пышный, с положенными тостами, после которых палили из пушек по многу раз. Юная королева очень устала, потому что должна была сидеть в короне и с порфирией на плечах. Но она улыбалась. Смотрела на принца Танкреда Бургундского и улыбалась.

Ортруда только три дня тому назад познакомилась с ним и уже влюбилась. Она любовалась его высоким ростом, стройным станом, белым тевтонским лицом, синими глазами.

Ах, как сладко быть влюбленной королевой!

И принц Танкред любовался Ортрудою. И он влюбился.

Что-то говорила Ортруде мать, королева Клара. В ответ ей нежно улыбалась Ортруда. Но только одно слышала слово, – милое имя:

– Танкред.

И были многие блистающие очи, – но только синие глаза Танкреда мерцали перед нею.

Потом Ортруда отдыхала одна, мечтая, в тихом сумраке опочивальни. А на улицах веяли флаги, шумел народ, смеялись дети, гремела музыка и танцевали на перекрестках и на площадях. Радовались.

Вечером был у королевы бал. Опять нарядная толпа, и высокие гости, и Танкред между ними, – и опять улыбалась и радовалась Ортруда.

Она танцевала. Сияла радостью, когда порядок этикета дал ей возможность подать руку Танкреду.

В промежутке между двумя танцами королева Ортруда легким движением кружевного веера показала Танкреду место рядом. Он сел, склоняясь к ее плечу, чуть-чуть свободнее, чем следовало бы, и тихо спросил:

– Вы очень устали, ваше величество?

И еще тише сказал, совсем едва слышно:

– Вы очаровательны, Ортруда.

Ортруда вспыхнула, радостно улыбнулась и сказала:

– Да, устала, но не очень. Совсем немножко. И я уже отдохнула. И мне очень весело.

Взглянула прямо в его синие глаза, – влюбленно-стыдливый взгляд. Принц Танкред говорил тихо и нежно:

– Я очень рад, что имел счастье познакомиться с вами.

И опять совсем тихо:

– Милая Ортруда!

Ортруда заравовалась, засияла улыбками, сказала с детскою живостью:

– О, это я рада этому.

Танкред говорил, и как музыка был его глубокий голос:

– Я особенно рад потому, что это в ваши торжественные дни я узнал вас, увенчанную короною ваших предков. Она так идет к вашим черным, как ночь, волосам.

Шепнул ли совсем тихо? Послышалось ли ей?

– Люблю вас, Ортруда.

Она очень покраснела. Слезинки блеснули на глазах. Притворно-безмятежным голосом она сказала:

– Корона тяжелая и порфира тяжелая. Хорошо, что я сильная. Но мне весело. Я рада. Я не боюсь тяжелого в моей судьбе, на моем королевском пути. Я – королева, я выбираю.

И все тише и тише:

– Я хочу выбрать вас. Я хочу полюбить вас.

И совсем тихо:

– Я вас люблю.

В это время гофмаршал Теобальд Нерита говорил королеве Кларе:

– Кому же, как не вашему величеству, знать сердце вашей дочери? Молодой человек очарован, и не скрывает этого.

Тихо ответила королева Клара:

– Очарование здесь взаимное.

Глава тридцать пятая

Высокие и знатные гости смотрели издали на беседу влюбленных, несколько более долгую, чем следовало бы. Ни для кого не было в этом ничего неожиданного. Это была приличная, одобренная, предначертанная любовь. Немножко слишком скоро, – ну что ж! Королева Ортруда так еще молода, так наивна, принц Танкред так очарователен. Судьба молодых людей была окончательно решена в эти дни. В конце коронационных торжеств было официально объявлено о помолвке королевы Ортруды и принца Танкреда Бургундского.

В предположенном союзе счастливо сочетались и законы сладостной любви, и суровые требования высшей политики. Принц Танкред был красивый, стройный, надменный молодой человек, командир кавалерийского полка на своей родине. Он много путешествовал, бывал во всех частях света, видел многое и многих. Образование он получил довольно поверхностное, но умел говорить легко, свободно и просто, порассказать о многом виденном и слышанном, о своих приключениях и встречах. Он был очаровательно любезен, когда хотел.

На его родине и во многих иных странах в него влюблялись, и нередко искренно и бескорыстно, многие девушки и женщины, знатные и простые. Мимолетные связи с женщинами всех рас и наций, всякого цвета и всякого состояния еще не утомили ни его сильного тела, ни его души, ненасытно жаждущей и все не находящей любви, а множество приключений под всеми небесами земли закалили его неугомонный характер предприимчивого человека.

Как многие другие, молодые и прекрасные, влюбились в него и Ортруда. Так открыта была для любви ее юная душа, еще солнечно-ясная, – и она полюбила.

Для династии и для буржуазного правительства в Королевстве Соединенных Островов это казалось очень кстати. Принц Танкред имел обширное родство среди европейских династий. Хотя его лицо и вся фигура носили ясно выраженный германский характер, хотя на тех языках, которыми он владел, он говорил с легким, но все-таки заметным немецким акцентом, хотя он сам считал себя немцем и гордился славными победами Германии, – но в жилах его текла очень смешанная кровь. Он принадлежал к тому маленькому царствующему народу, который целыми столетиями стоял во главе европейских наций, одинаково близкий всем им и одинаково от всех их далекий, как бы символизирующий единство европейской истории. Члены его легко, как и подобает людям высокой космополитической культуры, переменили язык, нравы и отечество и в новой обстановке чувствовали себя так же хорошо и свободно, как и в старой, – повелителями людей, верными интересам своей новой родины, насколько они понимали эти интересы. Не было никаких оснований сомневаться и в том, что принц Танкред будет хорошим патриотом в государстве Соединенных Островов.

Свадьба назначена была, однако, только через год после коронования Ортруды. Королева Ортруда была еще так молода. Считали неприличным торопиться. Находили более удобным, чтобы юная королева имела достаточно времени войти в понимание государственных дел до своего бракосочетания. В этом политические деятели видели некоторую гарантию того, что государственные дела не будут решаться под влиянием чужестранца, и двор по представлению министерства не мог отказать в этой гарантии.

Этот год длился для Ортруды медленно-сладкою, влюбленно-нежною сказкою. Письма Танкреда радовали ее, – они были частые, остроумные, легкие, нежные, пересыпанные изящно-забавными рассказами. И она писала ему часто, доверчиво открывала ему свои мечтания, рассказывала все, что вокруг нее случалось, что она сама делала. Иногда были встречи, – краткие, всегда при посторонних, но все же солнечно-радостные.

За этот год королева Ортруда ознакомилась с высокою властью, с очаровательною магиею повелевающих, но таких неизбежных, предначертанных слов, с великим могуществом всегда осторожно подсказанных Да и Нет. И познала королева Ортруда сладости королевской власти

и ее тягости. Она скоро научилась понимать, что высокая королевская власть – цепь, гипнотизирующая своим блеском умы народных множеств, цепь, носимая с горделивою улыбкою торжества, но тяжелая, как монашеские вериги, и так же режущая нежное тело слабой женщины.

Тяжелый призрак власти! Его обманчивый блеск издевался над бессилием коронованной девушки, над ее сентиментальными мечтами о всеобщем благе, над ее наивными намерениями осчастливить свой народ.

Большинство в парламенте в это время, как и во все правление королевы Ортруды, принадлежало партиям буржуазным. Две крупные партии парламентского центра, называвшиеся прогрессистами и радикалами, поочередно сменялись у власти. Но разница между ними была очень малая. Оппозицию составляли с одной стороны небольшая, но буйная группа аграриев, с другой – социалисты; к социалистическим фракциям принадлежали самые образованные и красноречивые ораторы парламента. Их блестящие речи были полны неотразимую убедительностью; в комиссиях они были превосходными работниками, и порою им удавалось кое-что сделать для рабочих, когда осторожные буржуа бывали напуганы манифестациями рабочих и грозным призраком всеобщей забастовки.

Наконец настал радостный для юной королевы день, – королева Ортруда была обвенчана с принцем Танкредом.

Парламент ассигновал Танкреду, как принцу-супругу, совершенно приличный гражданский лист. Только малая часть оппозиции резко протестовала против этого ассигнования.

В первое время принцу Танкреду было достаточно его гражданского листа, и он не испытывал нужды в деньгах. Но положением своим он скоро стал недоволен.

В конституционном государстве положение принца-супруга очень щекотливо. Народное представительство ревниво охраняет источники высокой власти от тайных, неответственных влияний. Ревниво, но не всегда успешно.

На поверхностный взгляд могло показаться, что после первых легких неловкостей принц Танкред быстро освоился с положением принца-супруга. Освоился, но в душе не примирился. В политику принц Танкред, по-видимому, не вмешивался. Он даже не входил никогда и на короткое время в кабинет королевы, когда она принимала первого министра или работала с одним из своих секретарей.

С парламентскими деятелями при необходимых встречах при дворе или в обществе принц Танкред держался превосходно. Его обращение с ними было великолепною смесью уверенного превосходства и чрезвычайной любезности. Блистательный пример этой манеры вести себя подавал европейским принцам царственный лондонский джентльмен, издавна признанный законодатель мод и приличий, – и принц Танкред был одним из удачнейших его подражателей.

В день бракосочетания принц Танкред был зачислен в ряды армии королевства Островов. Но и в военной службе вначале принц Танкред не искал видного положения и даже решительно отклонял попытки военного министерства ускорить его карьеру. Казалось, что он вполне доволен тою же, как и на родине, ролью полкового командира, и спокойно ожидает своей очереди, чтобы после старших чином полковников получить чин генерала-майора и кавалерийскую бригаду в командование. Служебные свои обязанности он исполнял не очень ревностно, но и не лениво; он держался той благоразумной середины, на которой им были одинаково довольны и подчиненные и начальники. Офицеры и генералы говорили про него:

– Отличный офицер и славный товарищ.

А иногда, в своем кругу, говорили тихо:

– Он был бы хорошим королем.

Говорили так в те минуты, когда почему-нибудь были недовольны правительством.

Думали, что народ в первые годы был доволен принцем Танкредом. Вернее, население Соединенных Островов было к нему совершенно равнодушно, и простые люди ничего о нем

не думали. Да вначале и не было никаких причин к неудовольствию принцем Танкредом, как не было и оснований для народной любви к нему. Но прошли годы, и принц Танкред стал непопулярен.

На это были две причины: его любовные похождения, чрезмерно многочисленные, и его слишком аристократические и реакционные взгляды, которых он не сумел скрыть, да, может быть, и не хотел. Впоследствии присоединилась и третья причина. Его стали обвинять в воинственных замыслах и в том, будто бы он старается внушить королеве и министерству мнение о необходимости заключить союзы с группой великих держав. Это могло привести к войне. Война была в интересах высшего дворянства; буржуазия войны боялась, рабочим война была ненавистна.

Как могла произойти такая перемена в отношениях к Танкреду?

Всегда спокойный и сдержанный в обыкновенном состоянии, принц Танкред имел печальную слабость, в товарищеских кружках однополчан или патрициев, под влиянием излишне выпитого вина давать волю языку. Кое-какие острые словечки, неосторожно сказанные принцем Танкредом против парламентаризма, получили широкую огласку. По их поводу столичные газеты напечатали несколько сдержанно-укоризненных статей; сдержанных, чтобы не обидеть любимую в народе королеву Ортруду. Но так как она и после нескольких лет жизни с Танкредом все еще была влюблена в него, то эти статьи больно ее ранили. Еще большее огорчение причинил ей сатирический журнал «*Sancta Simplicitas*»; на его страницах был помещен ряд карикатур, в которых узнавали намеки на принца Танкреда.

Положение принца Танкреда становилось двусмысленным, неловким. Прошло десять лет со дня его торжественного въезда в город Пальму, столицу Соединенных Островов, – и он очутился в центре сложной сети запутанных отношений и интриг. Ортруда все еще любила его нежно, с тем большею страстностью, что детей у них пока еще не было. О его любовных похождениях она почти ничего не знала, а если и слышала иногда что-нибудь, то объясняла это минутною прихотью, капризом избалованного жизнью и путешествиями человека. А принца Танкреда его прихоти и капризы разоряли, и он наделал долгов.

Много планов составляли его друзья, чтобы помочь ему распутаться с долгами. Близость принца Танкреда к королеве внушала им мысль сделать политику орудием личного обогащения и самого Танкреда, и его друзей. Мечтали о постройке сильного флота, о приобретении колоний в Африке; завязывали тайные сношения с честолюбивыми неудачниками в южно-американских республиках. В консервативной прессе стали появляться статьи об экзотических предприятиях. Несколько богатых аристократов сложились и образовали фонд для покупки и эксплуатации земель в Африке. Были горячие головы, мечтавшие о создании великой империи, которая должна была объединить все народы латинской расы. Более умеренные довольствовались планами домашнего государственного переворота, – парламент распустить, конституцию отменить, Танкреда объявить королем и соправителем Ортруды.

Все эти преступные планы держались, конечно, в строгой тайне. Поэтому Ортруда наслаждалась еще семейным счастьем. Оно омрачалось только все учащавшимися с течением времени приступами странной слабости Танкреда и его непонятного равнодушия к ласкам молодой жены.

Милые женщины, как сладостны ваши ласки! как широк и разнообразен круг ваших очаровательных слабостей и несовершенств! От одной к другой бежал бы неутомимо и к прежним подругам не забывал бы вернуться, – но так мало, так мало у человека сил! Сорок поколений предков, необузданно ласкавших жен, любовниц, пленниц, рабынь, служанок и случайных очаровательниц, как мало, как мало вы оставили сил вашему наследнику!

Так еще счастлива была Ортруда, но уже множились мрачные предзнаменования. Вулкан на острове Драгонера продолжал дымиться с того дня, когда Ортруда была коронована. Легкий, полупрозрачный на лазурном небе дымок над двойною вершиною зеленовато-серой горы не

усиливался за эти десять лет, но и не ослабевал. Среди радостного сверкания оранжевых скал, яркой многотонной зелени трав, пурпура и синели пышных цветений, лазури легких волн и ласковых небес, снежной белизны каменных построек и национальных одежд, таилась легкая, слабая, полупризрачная грусть зловещего, серого дыма. Легкий запах гари вмешивался порою в слитное, нежное благоухание роз и лимонов.

Грусть этого предзнаменования была близка Ортруде. Утомленная бессилиями королевской власти, она все чаще искала отдыха в очарованиях искусства, красоты и простой жизни; все чаще удалялась в одно из своих имений, к успокоениям радостной природы. И в милой тишине зловещий, легкий дым.

Еще зловещее предзнаменование: в одиннадцатый год правления Ортруды стал появляться призрак белого короля.

Была таинственная комната в королевском замке, известная под именем опочивальни белого короля. Туда входили редко, только по необходимости, и всегда со страхом. С этою комнатою была связана легенда. Верили, что иногда возникает в ней белый призрак, выходит из нее ночью и, обойдя залы и коридоры старого замка, опять туда возвращается. Это бывает, верили все, в те дни, когда королевскому дому грозит опасность. То был призрак короля Арнульфа Второго, изменнически, из засады убитого в 1527 году, на пятнадцатом году жизни. Убийца, его дядя, захватил престол и царствовал под именем Роланда Пятого. Начатое преступлением, то было бурное и кровавое царствование.

Глава тридцать шестая

В неисчислимой повторяемости скучных земных времен, опять повторяясь беспощадно, длился багряный, знойный, непонятно почему радостно-яркий день. Он слепил глаза и гнал под соломенные желтые навесы полуобнаженных работников и работниц с полей и плантаций. На пыльных дорогах он воздвигал ярко-фиолетовые мароки, и они стекались к перекресткам, махая призрачными рукавами на бесплотных руках и пугая темноглазых ребятишек, зашалившихся в поле, вдали от дома. Над яркою синевою лазурного моря он поднимал от мглистого горизонта миражи белых башен, оранжевых равнин и стройных зелено-золотых пальм.

Только лес хранил прохладу, тишину и покой. Молодая женщина, очарованная его тишиною, уже давно шла одна в его задумчивых сеньях, улыбаясь чему-то и сладко мечтая.

Она была одета в легкий и простой, но красивый наряд, какой носили местные простые женщины. Белое короткое платье с зеленою вышивкою, с широко вырезанном воротом и узкими лямками на плечах, широкими и свободными складками опускалось немного ниже колен и было схвачено под грудью широким поясом, – зеленою лентою, скрепленную на левом боку двойным бантом, продетым в матовую белую квадратную пряжку. Из-под платья был виден шитый ворот тонкой сорочки и ее совсем короткие рукава. Белая с зеленым шитьем и красными бусами повязка обхватывала сложенные на голове смоляно-черные косы молодой красавицы. Легкие сандалии из светлой кожи были прикреплены своими двойными тонкими ремешками к пряжке пояса и висели празднично, оставив ноги молодой женщины открытыми для теплых, ласковых прикосновений родной земли; только узкими розовыми ленточками были охвачены тонкие щиколотки загорелых, легких ног.

Лицо и все манеры молодой женщины обличали ее принадлежность к тому классу, который только правит и распоряжается, не утомляя рук работою, делящеюся до утомления. Привыкшие к раздумьям складочки на коже красиво развитого лба, привычно-внимательный взор, привычно-сдержанная улыбка, налитые соком счастливой жизни плечи, руки, тонкие, легкие пальцы, эластичная кожа которых не знает черных точек от укулов швейной, вечно сердитой иглы, и другие приметы говорили все о том же. Переодевание радовало ее, очевидно, как радовал и этот дикий, яркий и мрачный вместе вид природы. Это чувство радостного освобождения от каких-то условных пут и радостной близости к милой земле бросало на ее лицо ясный, счастливый свет.

Узкая тропинка, то мягкая от ярко-зеленых мхов, то рассыпчато-сухая под ногами, вилась совсем, по-видимому, ненужными, слабыми извивами ленивой змеи среди густого, темного, но и в прохладных мраках своих все же яркого леса. Порою она выбегала к подножиям белых и зеленых скал, взбиралась косо на их крутые склоны, то голые, то заросшие колючими, ветвистыми травами с багряными и фиолетовыми цветами, от которых пахло странно и душно, или хитрым ужом вползала в узкие расселины скал и скользила на дне глубокого провала, сжатого теснотою темных и высоких стен. Порою тропинка почти совсем терялась в гуще диких зарослей, и молодой женщине приходилось пробираться с трудом, отстраняя руками от смуглого, прекрасного лица упрямые ветки буйных на воле кустарников. Если бы не ее зоркая и внимательная осторожность, то не раз были бы поранены ее стройные руки и ноги зазубренными толстыми краями голубовато-зеленых, сочных листьев агав. Но напрасною свирепостью томилась их громадные, желтовато-зеленые цветы.

Встречались порою странные цветы с пряным и резким запахом; качаясь на длинных, крепких стеблях, они раскрывали перед молодою женщиною свои багряные, огромные пасти. Их длинные красные и лиловые тычинки напоминали змеиные языки, и казалось, что они источают из себя липкую, ядовитую пыль. Но молодая женщина смело склонялась к этим жутким

цветам и вдыхала их душный аромат, хотя кружилась от него голова, и кровь стучала тонкими, жидкими молоточками, как ртуть, в виски.

Когда ручей, возникший из плескучих струй, под скалою, раскрыл в бассейне из пестрых, золотистых кремней свое прозрачное зеркало, молодая женщина застоялась на его хрупком берегу, наклонившись к изображению своего прекрасного лица, улыбаясь, любясь яркими розами смуглых щек и улыбающихся нежно уст. И казалось, что вокруг ее безоблачного чела вились мечты жужжащим роем, – мечты о возлюбленном, о милome.

Пошла дальше, за собою оставив звонкий смех холодных струй, мимоходом поцеловавших ее колени. Тропинка подымалась в гору. Все более редкими становились обставшие ее деревья. Все круче поднимались острые ребра молчаливых скал, из-за которых, казалось, кто-то чужой и равнодушно-суровый следил тяжелыми взорами за идущею беспечно и смело красавицею. Был странно-резок контраст между ясными, невинными просветами высокой лазури и неподвижною зеленовато-белою мрачностью камня. Молодой женщине было жутко и весело.

Вдали, между деревьями и скалами, блеснуло голубою, узкою, но радостною ленточкою море. Впечатление исхода из иного, древнего и темного бытия к светлым, звучным очарованиям жизни неотразимо овладело молодою женщиною. Ее слух жадно ловил далекие, еле слышные здесь, на высоте скал, шумы и голоса вечно беспокойных волн милого, непокорного моря. Она пошла прямо к морю, с привычною внимательностью выбирая путь.

Вдруг за скалою на повороте тропы она увидела впереди себя, не очень далеко, три медленно и осторожно подвигавшиеся фигуры. Шли трое мужчин с большими на плечах узлами, по-видимому, тяжелыми, как можно было судить по их тяжело согнутым спинам.

Молодая женщина приостановилась и, прячась за выступом скалы, смотрела на путников. По их медленным движениям, сторожким взглядам по сторонам и по тому, как они выбирали наиболее закрытые снизу, от моря, места, она догадалась, что это – контрабандисты. Она увидела, что они вышли на опасный свой промысел днем. Движениями осторожными и легкими она пошла за ними, отклоняясь от принятого прежде направления. Прошла за ними с полсотни шагов и вдруг догадалась, что они заметили ее. Нерешительно сделала она еще несколько шагов, остановилась, опять пошла, увлекаемая любопытством, меж тем как рассудок говорил ей, что идти за ними опасно, что следует поскорее удалиться от них, притворяясь, что и не видела их.

Впрочем, чего ей бояться? Но, впрочем, на что же ей смотреть? Пусть эти бедные люди идут куда хотят, – ей-то что за дело! И она повернулась было уходить, но в это время трое контрабандистов вдруг сбросили с плеч свою ношу и остановились, всматриваясь во что-то. В руках их были теперь карабины, которых молодая женщина раньше не заметила.

Вдруг она увидела, что все трое пристально смотрят на нее. Теперь, когда и они, и она стояли, было видно, что расстояние между ними и молодою женщиною гораздо меньше, чем раньше казалось ей. Своими зоркими глазами она различала теперь каждую складку их пыльных одежд. Двое были постарше, с короткими полуседыми бородами; третий, бритый и краснотлицый, был помоложе; но глаза у них у всех были одинаково пламенно-жгучи и горели волчьей голодною угрюмостью. Их мрачные лица обвеяли было молодую женщину внезапным, но мгновенным испугом.

«Что же они со мною сделают? – думала она. – Неужели убьют?»

Но любопытство было сильнее страха, – непобедимый инстинкт женщины.

Откуда-то из-за скал, скользя, как изворотливая зеленая на песке ящерица, выбежал четвертый, – совсем еще мальчишка, лет пятнадцати, в заломленной набок шапчонке, украшенной для чего-то петушиным крылом, с исцарапанными икрами проворных ног, с громадными на темном лице белками испуганных глаз. Подбегая к своим старшим товарищам, он бросил им гортанным резким звуком какое-то незнакомое молодой женщине слово, очевидно, на воровском условном языке. Потом, подойдя к ним вплотную, он принялся что-то быстро и тихо

рассказывать им, отчаянно жестикулируя, и на его худошавом, подвижном лице смешивались выражения страха, гордости принесшего важную новость и отчаянной решимости драчливого мальчишки. Суетливый и нервный, едва прикрытый лохмотьями изношенной одежды, из дыр которой сквозило тело, он казался похожим на рассерженную чем-то обезьянку. По тому, как он вертелся на месте, тыкая пальцем в разные стороны, и по тому круговому движению рукою, которым он закончил свой рассказ, молодая женщина догадалась, что контрабандисты окружены пограничною стражею.

Выслушав рассказ, старший из контрабандистов хлопнул его по плечу широкою ладонью и сказал спокойным, тихим, но внятным голосом, как говорят люди с очень властным характером:

– Молодец, Лансеоль!

Лицо зоркого мальчишки багряно запылало от гордости. Он поправил свою шапчонку, со скромным достоинством, отодвинулся шага на два от старших товарищей и, скрестив ногу на ногу, прислонился к стволу чахлой горной пинии в небрежно-красивой позе человека, исполнившего свой долг. Он был маленький, гордый, немножко забавный и трогательный, – и молодая женщина невольно залюбовалась им.

Контрабандисты о чем-то оживленно спорили вполголоса; иногда говор их становился громче, и до молодой женщины долетали обрывки их речей. Но и без этого, по тем свирепым взглядам, которые они бросали на нее, было ей понятно, что говорят о ней.

– Она, что и говорить!

– Если бы она, зачем же она торчит здесь у нас на виду?

– Оплошала, теперь хитрит, – притворяется, что ее дело – сторона.

– Подослали женщину, – ну и народ!

– Говорил я вам, что здешний капитан – пройдоха.

– Ну, пусть сунутся.

– А ей нож в горло.

– Зачем убивать зря?

– Вернее. Мертвые не болтают.

День был так ясен, очертания скал и деревьев так отчетливы, душа молодой женщины была так открыта для радостных восприятий от природы, что это неожиданное приключение было для нее как внезапный кошмар в полуденной ясности. Не кажется ли все это? Не слышатся ли ей только эти грозящие речи? И душа ее упрямо не верила страху, даже и тогда, когда контрабандисты вдруг пошли к ней. И она сделала несколько шагов им навстречу.

Трое стали вокруг нее, совсем близко, мальчишка Лансеоль все держался немного позади их. Старший сказал ей:

– Ты нас выслеживала, ты навела на нас проклятых карабинеров, – но ты первая умрешь.

Глаза молодой женщины были прикованы к кинжалам, которые были засунуты за их широкие пестрые пояса. Тускло сверкали их изогнутые широкие рукоятки.

Ах, милое солнце, золотое в лазури! неужели в последний раз ты блистаешь, улыбаясь, надо мною! и не сойду на влажный песок взморий, и в дом мой не вернусь, и милого не поцелую.

И, побледневшими улыбаясь губами, сказала:

– Не убивайте меня, добрые люди, и не делайте мне никакого зла. Я не видела карабинеров и не знаю о них ничего. Я шла своею дорогою и сбилась с пути. Сама не знаю, как я сюда попала. Но вот я вижу море, – отпустите меня, добрые люди, я спущусь вниз. Клянусь вам спасением моей души, я никому не скажу о том, что встретила вас.

– Болтай себе, – злобно сказал второй контрабандист, угрюмые глаза которого смотрели из-под низкого упрямого лба пристально на молодую женщину, – ты нас не обманешь.

– Я вам пригожусь, – с легкой улыбкой говорила она, – вы всегда успеете меня убить, – один удар кинжала – не правда ли? – но вы увидите, что я спасу вас от карабинеров. Мне достаточно сказать им одно слово, и они уйдут, они меня послушаются.

Уже почему-то опять не было ей страшно, и кинжалы их казались ей бутафорскими, и мрачные лица их только забавными. Она любовалась красивым мальчишкой Лансеолем.

– Карабинеры! – крикнул вдруг Лансеоль и метнул на молодую красавицу свирепый взор, такой забавный, что она весело улыбнулась.

Старый контрабандист схватил ее за руку и потащил за собою. Все спрятались за выступом скалы и чутко ждали. Чувствовалось приближение чужой, грозной силы. Еще никого не было видно, только изредка блеснет на солнце привинченный к карабину плоский нож с двумя острями.

С двух сторон сразу показались солдаты с наведенными карабинами. Контрабандисты приготовились к стрельбе. Лансеоль вынул кинжал и стал рядом с молодой красавицей. Она повторила:

– Добрые люди, пустите меня подойти поближе к солдатам. Они уйдут, как только меня увидят. Пошлите со мною этого мальчугана с кинжалом, если мне так не верите.

В это время раздался громкий крик:

– Эй вы там, выходите, сдавайтесь, не то плохо будет.

Контрабандисты переглянулись. Быстро заговорили между собою шепотом. Потом старший шепнул что-то Лансеолу, – и тот весь насторожился и задрожал от радости.

– Иди, – коротко сказал старший красавице.

Она вышла из-за скалы и осмотрелась. Невдалеке за деревом виднелась чья-то полуспрятанная фигура. Молодая женщина догадалась, что это офицер, махнула белым платком и пошла к нему.

Лансеоль шел за нею, сжимая в руке рукоять обнаженного кинжала. Старый контрабандист крикнул:

– Только что заметишь, сейчас же всади ей нож между лопаток.

– Знаю, – коротко ответил мальчишка, и она почувствовала на своей шее его близкое, горячее дыхание.

Офицер увидел платок, которым еще раз махнула молодая женщина, и вышел из-за своего прикрытия. Он всмотрелся в остановившуюся за несколько шагов от него красавицу, и на лице его изобразилось чрезвычайное удивление и взволнованность. Машинальным движением человека, впитавшего в себя привычки военной дисциплины, он вытянулся и приложил руку к околышу своей форменной черной шляпы с оранжевым галуном: он узнал королеву Ортруду. Улыбаясь, Ортруда приложила палец к губам и потом сказала:

– Капитан, подойдите ко мне.

Капитан молча повиновался. Королева Ортруда сказала:

– Я вижу, вы меня узнали. Но не говорите об этом и не трогайте этих добрых людей. Сегодня они переносят вещи с моего позволения, и я сама внесу за них пошлину. А теперь уведите ваших людей, дорогой капитан. До свиданья, желаю вам счастливого пути.

С застывшим на лице выражением тупого недоумения капитан отправился исполнять волю королевы. Послышались слова команды, и скоро солдаты, уже не таясь, спустились в долину.

– Отчего мы уходим? – спросил молодой лейтенант.

– Так хочет королева, – досадливо отвечал капитан.

– Королева! – с удивлением воскликнул лейтенант.

– Ну да, она была там, – сказал капитан. – Но вы об этом никому не говорите. Хорошие дела, нечего сказать!

Королева Ортруда, весело улыбаясь, вернулась к контрабандистам. Лансеоль шел за нею и ошалелыми от удивления глазами засматривал в ее лицо.

– Видите, добрые люди, – сказала Ортруда, – я сделала, как обещала. Солдаты ушли. Сегодня не вернутся.

Контрабандисты, дивясь, переглядывались и перешептывались. В их глазах отражалось выражение суеверного страха. В горной тишине живописною группой стояли они четверо, и опять королева Ортруда невольно залюбовалась Лансеолем; он глядел на нее глазами, в которых пылало темное пламя внезапной юной влюбленности. Она спросила его тихо и торжественно:

– Милый юноша, ты знаешь, кто я?

Черноглазый красавец отвечал простодушно:

– Ты – добрая волшебница или фея этих гор.

Ортруда удивилась. Остальные трое в лад словам Лансеоля утвердительно кивали головами. Ортруда опять спросила:

– Где же я живу, как ты думаешь, милый Лансеоль?

Мальчишка отвечал:

– Ты живешь на неприступном верху гор, в лазурном гроте. К нему можно добраться, только зная волшебное слово. В этом гроте сто дверей для входа, и все они свободны, и только одна для выхода, да и ту стережет дракон. Кто к тебе придет, тот погибнет заласканный, зацелованный, защекотанный.

Ортруда смеялась. Контрабандисты смотрели на нее. Старший шептал товарищам:

– Хорошо, что она смеется, – это к удаче.

– Лансеоль, – сказала Ортруда, – скажи мне, а ты хотел бы попасть в мой лазурный грот?

– О, – воскликнул Лансеоль, – только позови, а уж я приду!

Смеялась Ортруда.

Глава тридцать седьмая

Скоро королева Ортруда простилась с контрабандистами и торопливо спускалась вниз к морю. Через полчаса выбранная ею тропинка привела ее на дорогу, которая шла от какой-то приморской деревни в глубину острова. Улыбчиво и легко вспоминала Ортруда о своем внезапном приключении.

Когда-то, в ранней юности, Ортруда очень боялась смерти, – в те дни, когда еще она не была знакома с Танкредом. Рассказы о кровавых событиях, вычитанные ею из истории ее государства и из старых хроник ее королевского рода, рано приучили ее думать о насильственной смерти. Многие из ее предков были убиты или на войне, или руками восставших и мстителей; и Ортруде такой конец ее жизни не казался невероятным. Темное чувство страха, иногда овладевавшее ею, казалось ей порою зловещим предчувствием.

Любовь смягчила этот темный страх, но не истребила его до конца. Наследственное мужество и гордость королевы заставляли ее не бежать от опасности. Когда предчувствие убийства опять поднималось порою в ее душе, то она ясно сознавала в то же время, что покорно и смело взглянет в глаза неизбежному. Кинжал за ее спиной в руке Лансеоля – это было ее первое испытание, и ей радостно было вспоминать, что через это испытание она прошла бестрепетно.

Утомленная долгою ходьбою и полуденным зноем, она села на большой плоский камень в тени старого дерева с раскидистыми ветвями и светло-зеленою тесною тучею радостной листвы. Смотрела по дороге вверх и вниз и точно ждала чего-то. И как же не дожидаться? В дороге всегда что-нибудь случается.

Вдали по дороге сверху свивались и кружились тонкие облачка пыли. Розово-серый все ближе и ближе придвигался зыбкий и странный, из мечты и праха сотканный призрак. Ортруда внимательно всматривалась в него. Ее зоркие глаза скоро различили, что это быстро скачут, спускаясь к ней с горы, двое всадников. И почему-то было понятно, что не мимо, а к ней.

«Кто?» – быстро подумала она.

И вдруг ей нетерпеливо захотелось, чтобы это был кто-нибудь близкий. Ее сердце на краткий миг сладко замерло в блаженстве радостного ожидания.

«Мой Танкред?»

Но нет, не он.

Все ближе, все отчетливее в полуденной ясности дробится и сыплется по камням сухой топот копыт. Веет над черною шляпою черный вуаль, колышутся складки черной одежды. И кто-то за нею юношески тонкий на быстром и легком скакуне.

Наконец Ортруда узнала наездницу и обрадовалась ей. Это была ее постоянная в последнее время спутница, знойно-красивая девушка, Афра Монигетти. Она принадлежала к одному из древнейших и знатнейших родов страны. Ее предки всегда занимали высокие должности при королевском дворе, а потому и Афра получила почетное придворное звание.

Каприз судьбы рано лишил ее родителей. Она воспитывалась в семье своего дяди, известного профессора здешнего университета, очень умного человека и очень насмешливого, искусно скрывавшего свое странное в культурном человеке пристрастие к Сатане под быстро меняемыми личинами холодного скептицизма и едкой иронии. В этом доме Афра перевидала много разных людей и всяких разговоров наслушалась. И теперь она сохраняла многие связи и знакомства в разных слоях общества. Хотя знания у нее были довольно поверхностные, но она интересовалась многим и читала многие книги по религии, философии и общественным наукам. Были многие предметы, любимые ею, и многие ей ненавистные.

Из людей она любила двух: королеву Ортруду за то, что она ясная и смелая, словно воплотившая в своем теле пламенную душу светозарного, и доктора Филиппо Меччио, который

занимался политикою и стоял во главе республиканской партии. Ею она любила «за то, что любила». Ненавидела из людей она одного – принца Танкреда, когда-то и в нее влюбившегося мимоходом. Его искания встретили в ней суровый отпор.

Спутник Афры был пятнадцатилетний Астольф Нерита, сын гофмаршала, мальчишка красивый, страстный и уже влюбленный в Ортруду, – как и прилично было его званию пажа королевы.

Афра стремительно спускалась с горы, и уже Ортруда видела отчетливо, как сыпались по дороге из-под копыт ее коня желтые и розовые камешки и как на бегу раздувались розовые ноздри разгоряченных скакунов. Ортруда пошла навстречу всадникам. Сказала:

– Вот где я. Устала по горам. Одна. И рада очень, что вижу вас.

Афра, остановив тяжело водящего боками усталого скакуна, радостно воскликнула:

– Наконец-то мы вас нашли! А мы уже начали бояться.

Ортруда, улыбаясь не то радостно, не то смущенно, сказала:

– Бог хранит путников. Однако, милая Афра, если бы вы знали, где я сейчас была и что я видела!

Она принялась рассказывать о своем приключении с контрабандистами. Афра слушала ее внимательно и, по-видимому, спокойно, но со сдержанным волнением. Любовалась Ортрудой. Испытывала нетерпеливое желание стать перед Ортрудой на колени и целовать нежно и долго пленительные стопы ее ног, прикинуть к ней близко и в сладком дыхании Ортруды ощутить пламенную душу возлюбленного, светозарного гения. Она сошла с коня, бросила повод Астольфу. К ногам Ортруды села. Смотрела снизу вверх в ее лицо, светлыми улыбками легко озаренное, пронизанное сладкими очарованиями исходящей из трепетной плоти прелести.

Астольф, стоя немного в стороне, держал за поводья обеих лошадей. Смотрел на Ортруду сияющими глазами. Завидовал тому мальчишке в горах, который так близко и свободно стоял за ее спиной и даже, может быть, держал ее за тонкий локоть обнаженной руки. Завидовал Афре, которая сидит у милых ног и в милое так близко смотрит лицо. И досадовал на нее, – зачем к Ортрудиным ногам она прижалась и закрыла их складками своего черного платья.

Ортруда сказала задумчиво, вспоминая о Лансеоле, улыбаясь своим воспоминаниям:

– Какой красивый мальчишка! Дикий, страстный, такой ловкий, в своих живописных лохмотьях. И этот острый, блестящий, беспощадный кинжал в его сильной руке. Ах, если бы ты, Афра, видела, как он сжимал рукоятку своего кинжала, как он крался за мною, гибкий, как дикая кошка, какими он смотрел на меня горящими, как у волчонка, глазами, как горячо дышал прямо в мою шею! А потом с какою очаровательною наивностью он рассказывал мне про зачарованный лазурный грот, в котором я живу! И эти добрые люди, простодушные, как и этот ребенок, думали так же, как и он.

Осторожно, каким-то неверным звуком, точно хитро искушая Ортруду, спросила ее Афра, внимательно и печально глядя в ее мечтательные глаза – глаза истинной царицы зачарованных стран:

– Государыня, а имя того дракона, который стережет ваш лазурный грот, вы знаете? И знаете, чего он хочет? Чего он ждет? Чему он радуется и чего боится?

Не поворачивая к ней головы, глядя прямо перед собою, тихо-тихо, точно сама себе отвечая, сказала Ортруда, улыбаясь печально:

– Дракон, стерегущий так прилежно мой лазурный грот, кто он и чего он хочет? Ах, я не знаю! Но чувствую давно его ровное еще дыхание и роковую его ко мне близость. Тяжелый взор его не смыкающихся ни на одну минуту очей, змеиных очей, все чаще тяготеет на мне. Может быть, близок день, когда моей крови захочет дикий зверь и положит косматую, громадную лапу на мою грудь, и вопьются в мое сердце его когти, острые и беспощадные.

Странно и неверно улыбаясь, тихо и нерешительно сказала Афра:

– Говорят... Вздорные, может быть, слухи... Говорят, народ так беден, так много земли в руках у немногих богатых землевладельцев, рабочие на фабриках и в шахтах получают так мало, – и те, и другие мало надеются на парламент! В Пальме говорят все чаще, что возможно восстание. И скоро.

Ортруда слушала молча. Когда Аффа остановилась, Ортруда вопросительно взглянула на нее, чувствуя в ее словах недоговоренность. Аффа продолжала еще тише и нерешительнее:

– Быть может, эти добрые люди, которых вы сегодня встретили, занимаются иногда тайною перевозкою оружия из-за границы.

– О! – живо воскликнула Ортруда. – В тех мешках, которые я у них видела, не могло быть ружей или пулеметов. Они были для этого слишком малы.

Аффа спокойно возразила:

– Могли быть патроны.

Ортруда засмеялась. Сказала:

– Это было бы недурно.

Потом, наклонясь к уху Аффы, шепнула:

– Я тоже не очень верю в парламент.

Аффа улыбнулась. Ортруда продолжала громко:

– Но этот мальчишка Лансеоль! Его лицо снова и снова вспоминается мне, неотвязчивым наваждением знойной красоты, ранней страсти. О, пусть бы смерть пришла ко мне в таком прекрасном облике, – я сказала бы ей радостно: здравствуй, милая смерть!

– Нет, государыня, – страстно возразила Аффа, – не обрадовала бы ее красота того, кто жаждет жизни, так жаждет, как вы и как я.

– Вот, мы жаждем жизни, – тихо говорила Ортруда, – и она приходит к нам очаровательная и увлекает нас в сладкое кружение любви и восторга. Но стоит за порогом снова из мертвых воскресший прекрасный обольститель, зовущий к познанию истины. И я зову: о, приди ко мне на заре утренней или вечерней, приди ко мне, светносный, озари предо мною мир, дай мне понять вечный сон тихо возрастающих деревьев, и сонную, благоуханную любовь розы, и слепую любовь птиц, – и умереть!

С неожиданною нежностью сказала Ортруда это страшное для людей слово – умереть. И грустны и нежны были ее глаза.

– Правда, государыня, – полувопросом сказала Аффа, – что любовь всегда приводит к нам печаль и легкий призрак смерти. Когда истинно любим, не боимся умереть. И, может быть, их три сестры роковые, – сон, смерть, любовь.

– Да, – сказала Ортруда, – ирония судьбы в том, чтобы это было так.

Ортруда и Аффа спустились по дороге почти к самому морю. Тихо шли тихим берегом. Тихо говорили о том, что волнует душу.

Успокоены были волны, и смутный гул их был ровен и благостен. Переливами лазурных красок сияла поверхность моря до тонкой черты горизонта, где иная, светлая, восходила над морем лазурь, объемля мир безмерностью высокой синевы. Зеленовато-белые скалы сверкали на солнце. То убегали от воды, то к самому придвигались пенистому шуму легких волн. Ярко белел в синеве морской чей-то близкий, быстрый по легкому ветру парус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.